

И.С. Тургенев

Разговор на большой дороге

Сцена

(Посвящено П. М. Садовскому)

(1850)

И.С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах

Сочинения в двенадцати томах

Издание второе, исправленное и дополненное

М., "Наука", 1979

Сочинения. *Том второй.* Сцены и комедии. 1843--1852

OCR Бычков М. Н.

По большой ... ой дороге тащится довольно уже ветхий тарантас, запряженный тройкою загнанных лошадей. В тарантасе сидят рядом: господин лет 28-ми, Аркадий Артемьевич *Михрюткин*, худенький человек, с крошечным лицом, унылым красным носом и бурыми усиками, закутанный в серую поношенную шинель,-- и слуга его *Селивёрст* (он также и земский), расплывшийся, пухлый мужчина 40 лет, рябой, с свинными глазками и желтыми волосами. На козлах сидит кучер *Ефрем*, бородастый, красный и курносый, одетый в тяжелый рыжий армяк и шляпу с опустившимися краями; ему тоже около 40 лет. Солнце печет; жара и духота страшная.-- Едут они из уездного города и полчаса тому назад останавливались в постоялом дворике, где и Ефрем и Селивёрст оба успели немного выпить.-- Г-н Михрюткин часто кашляет,-- грудь у него расстроена, и вообще он вид имеет недовольный. Он говорит торопливо и смутно, словно спросонья; Ефрем выражается медленно и обдуманно. Селивёрст произносит слова с трудом, словно выпирает их из желудка; он страдает одышкой.

Михрюткин (*внезапно встряхнув шинелью*). Ефрем, а Ефрем!

Ефрем (*оборачиваясь к нему вполупину*). Чего изволите?

Михрюткин. Да что, ты спишь, должно быть, на козлах-то? Как же ты не видишь, что у тебя под носом делается, а? Любезный ты мой друг.

Ефрем. А что-с?

Михрюткин. Что-с? У тебя одна пристяжная вовсе не работает. Что ж ты за кучер после этого,-- а?

Ефрем. Какая пристяжная не работает?

Михрюткин. Какая... какая... Известно, какая; правая вороная. Ничего не везет -- разве ты не видишь?

Ефрем. Правая?

Михрюткин. Ну, не рассуждай, пожалуйста, и не повторяй слов моих. Я этой гнусной привычки в дворовых людях терпеть не могу. Стегни-ка ее, стегни, хорошенько стегни, да вперед не давай ей дремать, да и сам тоже того... (*Ефрем с язвительной усмешкой сечет правую пристяжную.*) После этого мне остается самому на козлы сесть,-- да разве это мое дело? Это твое Дело. Дурак. (*Ефрем продолжает сечь пристяжную. Она брыкается.*) Ну, однако, тише! (*Помолчав.*) Экая, между прочим, жара несносная. (*Закутывается в шинель и кашляет.*)

Селивёрст (*помолчав*). Да-с... оно точно, жара. Ну, а впрочем -- для уборки хлебов -- оно ничего-с о-ох, господи! (*Вздыхает и чмокает губами, как бы собираясь дремать.*)

Михрюткин (*помолчав, Селивёрсту*). Скажи, пожалуйста, что это за толстая баба на постоялом дворе с нами рассчитывалась? Я прежде ее не видывал.

Селивёрст. А сама хозяйка. Из Белева надысь наехала.

Михрюткин. Отчего она такая толстая?

Селивёрст. А кто ж ее знает? Иного эдак вдруг разопрет, чем он в иефтом случае виноват?

Михрюткин. Она с нас дорого взяла, эта баба. Я заметил, ты никогда на постоялых дворах не